

Алена Игоревна Михайлова

Омский государственный университет путей сообщения, кандидат филологических наук, Омск, Россия
e-mail: pkd-shka@mai.ru**Метафора как способ выражения и импликации вербальной агрессии
(на материале отечественного рок-дискурса)**

Аннотация. Статья посвящена вербальной агрессии: упоминаются возможные подходы к изучению данного феномена и маркирующих его речевых средств. В первую очередь рассматривается потенциал стилистических приемов в реализации агрессивного характера текста, принадлежащего рок-дискурсу. Анализируются такие средства речевой агрессии, у которых негативная коннотация и агрессивная семантика появляются в итоге метафорического переноса или в процессе замены описательным оборотом по принципу перифраза. Кроме этого, уделяется внимание специфике имплицирования речевой агрессии в русском рок-дискурсе и эвфемистическим свойствам стилистических приемов. Содержатся многочисленные примеры как из позднесоветских, так и современных музыкальных текстов.

Ключевые слова: вербальная агрессия, речевая агрессия, имплицитная агрессия, метафора, перифраз, рок-дискурс.

Alena I. Mikhailova

Omsk State Transport University, Candidate of Philological Sciences, Omsk, Russia
e-mail: pkd-shka@mai.ru**Metaphor As a Method of Expression and Implication of Verbal Aggression
(on the Example of Russian Rock Discourse)**

Abstract. The article is devoted to verbal aggression: possible approaches to the study of this phenomenon and the speech means that mark it are mentioned. First of all, the potential of stylistic devices in the implementation of the aggressive character of the text related to rock discourse is considered. The author analyses such means of speech aggression in which negative connotations and aggressive semantics appear as a result of metaphorical transfer or in the process of replacing with a descriptive turn according to the principle of periphery. In addition, attention is paid to the specifics of the implication of speech aggression in Russian rock discourse and the euphemistic properties of stylistic devices. The article contains numerous examples from both late Soviet and modern musical texts.

Keywords: verbal aggression, speech aggression, implicit aggression, metaphor, periphrasis, rock discourse.

Ключевым параметром определения агрессии считается причинение вреда объекту действия. Вербальная, или речевая, агрессия может рассматриваться с разных точек зрения: с функциональной — как речевое явление, служащее негативной коммуникативной цели автора высказывания; с коммуникативной — как речевые стратегии и тактики манипуляторного характера, ущемляющие собеседника; с этической — как грубое нарушение норм культуры речи, принципов вежливости, связанное с использованием стилистически сниженной лексики, в том числе инвективной и обценной; с психологической — как «...словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме...» [1, с. 49].

Маркеры речевой агрессии выделяются на грамматическом, лексическом и стилистическом уровнях. Среди лексических средств выражения речевой агрессии обширную группу представляют контекстуальные негативные, инвективные и деструктивные единицы, отнесение их к данной

группе основано по преимуществу на полисемии — продуктивном формировании вторичных переносных негативных значений слов в различных контекстах. Так, Е. В. Щеникова, Е. В. Вологина отмечают, что речевая агрессия может проявляться «...за счет использования некоторых средств/приемов языковой игры» [2, с. 252]. Е. С. Федюнина говорит о том, что агрессивные тексты «...насыщены различными стилистическими приемами. Среди наиболее часто встречающихся приемов следует отметить эпитеты, имеющие преимущественно негативную окраску либо отрицательную контекстуальную коннотацию, резкие сравнения, гиперболы...» [3, с. 99].

Действительно, языковая игра в широком смысле предоставляет новые возможности проявления речевой агрессии в тексте, как имплицированной, имеющей неявное для адресата, скрытое, часто завуалированное негативное значение или непрямо отрицательное воздействие, так и эксплицитной, обладающей ярко выраженной оскорбительной

интенцией, в основном маркированной лексикой с отрицательной эмоционально-оценочной окрашенностью. В частности, «...метафорические построения могут использоваться в агрессивных актах речи», выражая упрек, угрозу (прямую и косвенную), намек и т. д. [4, с. 11]. С. В. Гуськова и вовсе говорит о том, что «метафора, изначально построенная на соединении несоединимого, всегда является по сути своей агрессивной» [5, с. 47].

Метафора не обладает целенаправленной агрессией, но, актуализируя определенные свойства предмета, обозначаемого словом в прямом значении, и включая их в оценку, как правило, одушевленного объекта, приобретает негативную окраску. Как известно, лексика может иметь инвективный потенциал в своем основном, прямом, значении или приобретать его при метафоризации (негативная оценка выражается путем использования общеязыковых, закрепленных в словарях метафор, например: *тряпка* — «...3. перен. Бесхарактерный, слабовольный, ничтожный человек (разг. презр.)...» [6, с. 693], или слов, приобретающих оскорбительный характер лишь в конкретном контексте). Можно сказать, что при определенных условиях «любое слово в контексте может стать инвективой, т. е. восприниматься адресатом в качестве оскорбления» [7, с. 110].

Многие авторы в русле разговора об агрессивности переносных значений в первую очередь упоминают ставшие общеязыковыми многочисленными зоосемантические метафоры, закрепившиеся в комплексе инвективной лексики русского языка [7], — они актуальны скорее для бытового общения, тем не менее представлены и в других дискурсах, в том числе песенном: *По телевизору ты был за границей, / Лихо лазал по каким-то горам, / С парашютом летал, словно птица, / А в реале ты — жирный баран!* («План Ломоносова»).

Литературную инвективу, основанную на переносном значении, или жаргонизмы и просторечия, метафорически выражающие негативную оценку, следует отнести к эксплицитной агрессии. При этом необходимо понимать, что метафора — это лишь способ получения соответствующей коннотации у того или иного слова (выражения), становящегося впоследствии маркером агрессивного текста, а не собственно форма или средство речевой агрессии. Так, метафорически может быть выражено инвективное значение существительного, формирующего речевой жанр «оскорбление» и действующего в рамках стратегии дискредитации: *Очень сильно в наше время / Обнаглело жабье племя (о женщинах): / Тратим время и деньги на них, / А удовольствий никаких* («Автоматические удовлетворители»); или более сложная метафора: *Чай, кофе глоток, перекур и всем стадом / Вы снова здесь, и я с вами рядом* (Г. Лепс); *Бешеный рев сирены, / Кирзовый топот копыт, / Темные силы платят, / Псы нас на части рвут* («Коррозия металла»). В последнем случае можно вскрыть ассоциации: наемный солдат — копытное животное (кирзовые сапоги — обувь военных) и «темные силы» — власть, правительство и т. п.

Агрессивные тексты, формируемые на основе обращения у слов новых, контекстуальных переносных значений, соотносятся скорее с имплицитной агрессией: они редко могут быть расшифрованы вне контекста и включа-

ют определенный культурный, ментальный код, требующий от реципиента разного уровня интерпретационных способностей и знаний — от универсальных до специфических. Одну из групп лексики, маркирующей враждебный текст, рассматриваемый как вербально-агрессивный в контексте лингвopsихологического и отчасти коммуникативно-дискурсивного подхода, составляют так называемые «агрессивные прецедентные имена» [8] или прочие прецедентемы, получающие аксиоматическую негативную оценку у большинства адресатов: *Дом и работа, Содом и Гоморра, / Но вот движется кто-то, пора тушить папиросы* («Крематорий»); *Чикатило-реggi, / Оу, е* («Голос Омерики»). Таким образом, агрессивная метафора, как и другие приемы и стилистические фигуры, являющиеся выражением имплицитной агрессии, в избранном материале может быть связана со свойственными текстоцентричному русскому песенному рок-дискурсу прецедентностью и интертекстуальностью.

Среди отрицательных метафор также выделяются «деструктивные» и «антиэстетические» [2, с. 253], первые включают глаголы (или описательные обороты, имеющие ядерный компонент — глагол) деструктивной семантики, не нарушают коммуникативных и этических речевых норм и потому свободно используются в дискурсах, базирующихся на словесном творчестве, являясь распространенным способом метафоризации в песенном тексте. Вторые приобретают агрессивный характер за счет повышенного натурализма, чаще всего соотносимы с понятийными или языковыми табу, включают вульгарную, просторечную лексику или слова с семантикой негативного сенсорного воздействия, например, ольфакторного или хеморецептивного, поэтому встречаются в исключительных текстах: *Рок-н-ролл стерт, / Я учусь играть джаз, / Но меня рвет — / Полный рот нот* («ДДТ»). Антиэстетические метафоры строятся на ассоциациях с физиологических процессов, болезненными состояниями и т. п.: *Сочный прыщ половых проблем, / Немая жопа сопливых дней, / Полоса безразличных слов, / Потные подмышки поездов* («Гражданская оборона»).

Деструктивная метафора, использующая немаркированную лексику и включающая завуалированное упоминание агрессивных действий, исследователями чаще относится к имплицитно агрессивным высказываниям: *Ты убила все свои игрушки, / Ты закрыла маме рот подушкой, / Чтобы никто не выдал секрет, / Чтобы мне никто не дал ответ* («Агата Кристи»). Метафорически могут быть обозначены любые жестокие действия: убийство, нанесение увечий, причинение другого физического вреда: *Уйдешь, не заметишь, / Помягче выбрал подушку, / Спи крепко, подружка* («Мы»).

Агрессивная метафора в роли предиката также в некоторых случаях формирует косвенные угрозы или особый подвид агрессивных императивов, например: *В дырявом кармане / Тринадцать патронов, / Я на всю голову ранен, / Я вне закона* («Год Змеи»), в данном случае *ранен на голову* — сумасшедший, готовый к насилию (возможно, отсылка к жаргонному выражению *больной на голову*). Метафора может иметь довольно невысокий уровень образности при сложности структуры, такие приемы не всегда однозначно толкуются реципиентами, учитывая, что песня представляет непрерывный поток текста и не предполагает наличия дополнительно-

го времени для интерпретации: *Сегодня концерт — / Твое соло на нервах, / Но это не первый* («Нервы») — отсылка к разговорной идиоме *играть на нервах*.

В песенном тексте, совмещающем разные формы речевой агрессии, такие метафоры представляют элемент ряда однородных членов с деструктивными в прямой семантике глаголами. Таким образом в рамках высказывания происходит контаминация имплицитной и эксплицитной вербальной агрессии: *И завопила она: / «Всё, хватит, не надо, не буду!»*, *Открыла газ на плите / И стала бить посуду* («Агата Кристи»).

При анализе подобных примеров имеет смысл говорить не только о метафоре, но и о таком стилистическом приеме, как перифраз. Л. В. Грехнева указывает на то, что «...чаще всего оценочные перифразы выражают именно негативное отношение к обозначаемому объекту, а значит, их манипулятивность проявляется в форме речевой агрессии» [9, с. 385]. Перифраз заостряет внимание на определенных чертах именуемого предмета или личности, тем самым косвенно выражая его оценку, что делает его актуальным для рок-дискурса приемом. Вторичная номинация может преследовать разные цели, но в первую очередь — актуализации субъективной оценки: *Я надел кольцо на палец, на хребет — хомут* («Голос Омерики»).

Как и метафора, перифраз проявляет себя в двух ипостасях: во-первых, подчеркивает отрицательное отношение к объекту, способствует повышению уровня агрессивности высказывания; во-вторых, напротив, имплицитно негативные смыслы и, соответственно, понижает уровень вербальной агрессии текста. «Агрессивность в ...перифразах создается за счет особого подбора лексических единиц — компонентов перифразы. Это прежде всего инвективная лексика...» [9, с. 387] Насыщению классического русского рока перифразами подобного плана способствовали его высокая политизация и антисоветский пафос, некоторые современные группы (особенно региональные) продолжают поддерживать идеалы панк-рока, основанные на анархических и антиправительственных лозунгах, и также регулярно используют обозначенные агрессивные перифразы, ср.: *Страна дураков приглашает посетить / Инкубатор рабов и школу убийц (о России). / Если ты — патриот, ты ей должен служить, / Ведь в стране дураков очень весело жить!* («Не хочешь — не слушай»). В текстах панк-рока в качестве таких агрессивных компонентов перифразы выступают не только инвективы, но и вульгаризмы, жаргонная лексика с резко негативной эмоционально-оценочной коннотацией, упомянутые ранее антиэстетические метафоры: *Я люблю глухое эхо / И гнилю жижу в моей голове* [очевидно, мозг. — А. М.]; *Мне не хватает зловонных слов, / Чтоб залепить твоё раскрашенное фуфло* [рот. — А. М.] («Гражданская оборона»).

Во втором случае перифраз, можно сказать, выступает в качестве носителя эвфемистической функции: позволяет тексту не использовать лексику с резко негативной семантикой, например: *Потом любовь взведет затвор / Зеленкой лоб тебе намажет* («Год Змеи»); *Сфера деятельности — посланник ада: / Дама рядом, одетая бесформенно-черным нарядом, / Не дышит, тем не менее пишет / Всемирную историю отравления ядом* («Слот»). И эта разновидность

описательных выражений гораздо более продуктивна для современного песенного текста; так, перифраз, являясь художественным средством и одновременно способом выражения агрессии, активно представлен в рок-песнях и в основном так или иначе связан с необходимостью (или желанием) смягчения этой враждебности. По мнению П. П. Лобас, именно «...использование дисфемистических и эвфемистических перифраз» является «наиболее ...характерным для публичного языка...» [10, с. 108]. Очевидно, в рок-дискурсе ключевым стимулом использования этих смягчающих средств становится не необходимость соответствия речевой культуре и принципам вежливости, а достижение форсированной образности, важной для вокально-музыкального произведения. Возможный ироничный подтекст не позволяет считать перифразы-эвфемизмы нейтральными с точки зрения оценочности и враждебности, напротив, усиливая эти характеристики: *Маленький мальчик нашел пулемет, / Так получилось, что он больше не живет* («Гражданская оборона»). В подобных текстах перифраз-эвфемизм функционирует в качестве тропа, перекликаясь с приемом умолчания.

В песенном дискурсе наряду с метафорой и перифразом важную роль в формировании агрессивного текста могут играть и другие стилистические приемы: гиперболы и литоты, олицетворения, антитезы, синтаксические фигуры (например, умолчание) и сравнительные обороты, часто в сочетании с прямыми инвективными наименованиями, а также актуализующие особые семантические оттенки одного из сопоставляемых явлений и по аналогии с метафорами формирующие у определенных лексем дополнительные отрицательно-оценочные контекстуальные коннотации: *Вы все без устали лясы точите, / Совсем как политики* («Йорш»).

Согласно результатам экспериментов агрессивные метафоры, входящие в структуру косвенной угрозы в текстах рок-дискурса, имеют не меньший уровень негативной реакции слушателей, чем прямые. Можно утверждать, что косвенные угрозы и агрессивные метафоры, обозначающие деструктивные действия, даже при условии наличия у них имплицитного характера легко распознаются реципиентом, а в отдельных случаях производят впечатление манипулирующего высказывания. Так, метафорические угрозы, звучащие в музыкальном контексте, занимают срединное место на шкале уровня враждебности среди различных речевых средств (основа шкалирования — эмоциональная реакция клиентов дискурса, выявленная по методике семантического дифференциала). Восприятие общезыковых инвективных метафор принципиально не отличается от восприятия слов с оскорбительной, бранной семантикой в основном значении. Агрессивные перифразы, особенно прецедентного характера, включающие аллюзии разного культурного уровня и степени известности, могут иметь довольно сложный уровень необходимой интерпретации, а также быть прозрачными лишь для регулярных клиентов рок-дискурса, поэтому их имеет смысл рассматривать исключительно в контексте дискурс-анализа при более широком понимании вербальной агрессии — как коммуникативного явления, деформирующего аксиологические установки адресата и формирующего общий негативно-враждебный смысловой фон коммуникации.

Библиографический список

1. Закоян Л. М. Речевая агрессия как предмет лингвистических научных исследований // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. 2008. № 2. С. 46–52.
2. Щеникова Е. В., Вологина Е. В. Средства речевой агрессии в публицистике Захара Прилепина // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 249–256.
3. Федюнина Е. С. Языковые особенности агрессивных текстов // Вестн. Воронеж. гос. ун-та (ВГУ). Сер.: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 98–100.
4. Паремузашвили Э. Э. Речевая агрессия в непрямой коммуникации (на материале русской классической и современной литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 24 с.
5. Гуськова С. В. Агрессивный компонент полемических текстов и иллюстраций в современной газете. М. : ФЛИНТА, 2013. 203 с.
6. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М. : Альта-Принт, 2005. 1216 с.
7. Курьянович А. В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2005. Вып 3 (47). С. 106–112.
8. Яковлева Ю. В. Речевая агрессия в полемических материалах советских литературно-художественных изданий 1917–1932 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 36 с.
9. Грехнева Л. В. Перифраза как средство речевого манипулирования общественным сознанием // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 384–387.
10. Лобас П. П. Тропика как средство манипулирования и убеждения (на примере эвфемизмов и дисфемизмов, используемых в политическом дискурсе) // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 3. С. 105–108.

References

- Fedyunina E. S. (2011) *Yazykovye osobennosti agressivnykh tekstov*, *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta (VGU). Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, no. 1, pp. 98–100. (in Russian)
- Grekhneva L. V. (2015) *Perifraza kak sredstvo rechevogo manipulirovaniya obshchestvennym soznaniem*, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, no. 2 (2), pp. 384–387. (in Russian)
- Gus'kova S. V. (2013) *Agressivnyi komponent polemicheskikh tekstov i illyustratsii v sovremennoi gazete*. Moscow, Flinta Publ., 203 p. (in Russian)
- Kur'yanovich A. V. (2005) *Invektivnye rechevye zhanry v prostranstve sovremennoi mezhlchnostnoi kommunikatsii*, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, issue 3 (47), pp. 106–112. (in Russian)
- Lobas P. P. (2011) *Tropika kak sredstvo manipulirovaniya i ubezhdeniya (na primere ehvfemizmov i disfemizmov, ispol'zuemykh v politicheskom diskurse)*, *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, no. 3, pp. 105–108. (in Russian)
- Paremuzashvili E. E. (2013) *Recheyaya agressiya v nepryamoi kommunikatsii (na materiale russkoi klassicheskoi i sovremennoi literatury)*, Cand. philol. sci. diss. Abstr. Moscow, 24 p. (in Russian)
- Shchenikova E. V., Vologina E. V. (2014) *Sredstva rechevoi agresсии v publitsistike Zakhara Prilepina*, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, no. 6, pp. 249–256. (in Russian)
- Ushakov D. N. (2005) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. Moscow, Al'ta-Print Publ., 1216 p. (in Russian)
- Yakovleva Yu. V. (2016) *Recheyaya agressiya v polemicheskikh materialakh sovetskikh literaturno-khudozhestvennykh izdaniy 1917–1932 godov*, Cand. philol. sci. diss. Abstr. Moscow, 36 p. (in Russian)
- Zakoyan L. M. (2008) *Recheyaya agressiya kak predmet lingvisticheskikh nauchnykh issledovaniy*, *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*, no. 2, pp. 46–52. (in Russian)